

БЕЖЕНЦЫ

ТОМ 3 • № 140 • 2005

БАЛКАНЫ

Когда
окончи-
лась
война

DON'T
FORGET
'93

СЕРБИЯ: женщина из Сараева — новая жизнь в Белграде.

СЕРБИЯ: хорватская семья подает заявления на получение сербского гражданства.

БОСНИЯ: семья косовских беженцев в Боснии.

ХОРВАТИЯ: хорватская семья, бежавшая в 1991 г., спасаясь от сербских ополченцев, вернулась домой.

ХОРВАТИЯ: вчерашняя беженка-сербка по-прежнему ждет возвращения ей занятого другими дома.

БОСНИЯ: этническая хорватка во время войны рискнула остаться в Сербской Республике.

БОСНИЯ: этнический серб-крестьянин вернулся в район Сараева.

Балканские сюжеты 2005 г.

БОСНИЯ: вдовы жертв массовой расправы в Сребренице все еще ждут возвращения домой.

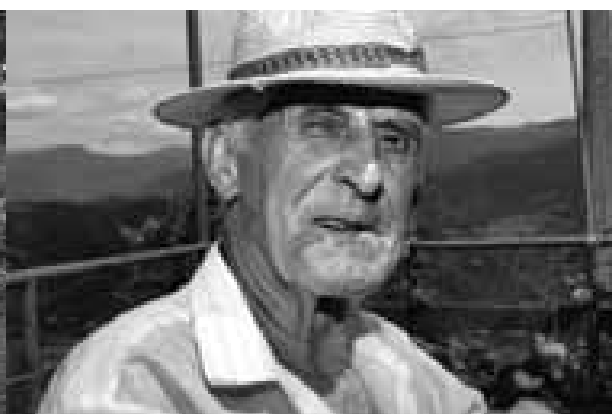

ХОРВАТИЯ: семья этнических хорватов из Боснии переселилась в Хорватию.

СЛОЖНАЯ МОЗАИКА ПОСЛЕВОЕННОЙ ЖИЗНИ

БОСНИЯ: мусульманская семья вернулась домой в район, где после войны преобладает сербское население.

БОСНИЯ: беженцы-хорваты, вернувшиеся в район Мостара в Боснийско-Хорватской Федерации.

БОСНИЯ: семья этнических сербов живет в районе Боснии, где преобладают мусульмане.

Мостар: восстановленный мост.

Дейтонское “чудо”: 10 лет спустя

“ЭТОТ МОСТ, ИСПОЛНЕННЫЙ ВЕЛИКОЛЕПИЯ И ИЗЯЩЕСТВА,
БЫЛ ПОСТРОЕН ТАК, ЧТОБЫ ПЕРЕЖИТЬ ВСЕХ НАС.
ЭТО БЫЛА ПОПЫТКА СОПРИКОСНУТЬСЯ С ВЕЧНОСТЬЮ”

ФОТО: ВИНСЕНТ УИНТЕР

“БЕЖЕНЦЫ”

© B. GYSEMBERGH / CS / BIH • 1992

AP / H. DELIC / DP / BIH • 1996

Мостарский мост и его бессмысленное разрушение стали символом иного рода, теперь уже не терпимости, а **нетерпимости и безнравственности**, в трясину которых погрузился балканский регион Европы.

алистическим и капиталистическим, а также “третьим миром”.

Однако со смертью Тито в 1980 г. на поверхность вновь всплыли межэтнические, политические, экономические и религиозные трения, и казавшаяся единой Югославия распалась. После десятилетия все нараставшей в этом регионе напряженности в 1991 г. Словения и Хорватия провозгласили

свою независимость от центральных органов власти в Белграде, где доминирующие позиции занимали сербы. В некоторых частях Хорватии вспыхнула война. В 1992 г. провозгласила свою независимость также Босния и Герцеговина, и теперь уже в этой стране вспыхнул межэтнический конфликт между хорватами, сербами и мусульманами.

В последовавших за этим военных действиях и локальных войнах на фоне более крупных войн в пе-

риод с 1992 по 1995 г. были убиты сотни тысяч человек. Сербские войска совершили самое ужасное злодеяние на территории Европы со времен окончания Второй мировой войны, уничтожив почти 8 тыс. мужчин и подростков-мусульман в окрестностях малоизвестного городка Сребреница. Были созданы концлагеря. Половина всего боснийского населения – мужчины, женщины и дети, старики и инвалиды – были изгнаны из своих домов. Термин “этническая чистка” вошел в международный лексикон. Большинство промышленных предприятий, мостов, дорог, школ, жилых домов, водопроводных сетей и энергосистем на территории Боснии были разруше-

Военные годы:

Вместо исторического Мостарского моста — временный пешеходный.

Боснийцы, взятые в плен войсками этнических сербов.

Укрытие от пуль сербских снайперов в сырой траншее за бронетранспортерами ООН.

Рэй Уилкинсон

ЭТОТ ШЕДЕВР XVI в., сооруженный по приказу султана Сулеймана Великолепного, был призван символизировать всемогущество этого халифа. Говорят, что строительный раствор для скрепления каменных блоков этого моста, высоко вознесшегося над рекой Неретвой, состоял из смеси яичного белка и конского волоса. В минувшие столетия почтенные ученые мужи, знаменитые путешественники и священнослужители восхищались не только внешней красотой этого моста, но и тем, что он был символом религиозной и культурной терпимости, пережил Османскую и Австрийскую империи, югославских монархистов и коммунистических аппаратчиков XX в.

В один из промозглых ноябрьских дней 1993 г. хорватский генерал Слободан Прляк воспринимал этот мост в Мостаре, в самом сердце недавно провозгласившей свою независимость страны Босния и Герцеговина, не как жемчужину мировой культуры, а как препятствие к осуществлению одного из недавних и наиболее злонамеренных замыслов прошлого столетия – “этнической чистки”, т. е. отделения или физического уничтожения “второсортных” местных этнических групп.

“Это всего лишь старый мост”, – небрежно обронил генерал-христианин, отдавая своим артиллеристам приказ разрушить изящную арку моста и еще 11 исторических объектов вокруг для выполнения своих задач в войне против соседей – боснийских мусульман.

Древние камни рухнули во вздувшийся от снега речной поток, и хорватская журналистка Славенка Дракулич, перу которой принадлежат приведенные выше строки о Мостарском мосте, с горечью заметила: “Почему вид разрушенного моста вызывает у нас более острую боль, чем вид убитых людей? Потому что мы знаем, что люди смертны. Иное дело – уничтожение памятника цивилизации. Этот мост не умещался в рамки нашей личной судьбы”.

Как и любой другой эпизод в разворачивавшейся трагедии, которой суждено было продлиться еще без малого четыре года, Мостарский мост и его бессмысленное разрушение стали символом иного рода, теперь уже не терпимости, а нетерпимости и безнравственности, в трясину которых балканский регион Европы погрузился в начале 1990-х гг.

КЛЮЧЕВОЙ ПАРТНЕР

В течение предыдущих четырех десятилетий все выглядело совсем иначе. После того как в последние дни Второй мировой войны Иосип Броз Тито и его партизаны-коммунисты захватили власть в Югославии, он объединил ее в политически значимое государство, которое успешно лавировало между крупнейшими мировыми политическими блоками: коммунистическим, соци-

DP 721829-2005

Новые могилы
для недавно
опознанных жертв
массовой расправы
в Сребренице
в 1995 г.

ны. Та же судьба постигла целые города и деревни в Хорватии.

УВКБ ООН стало ведущей организацией в деле оказания гуманитарной помощи на Балканах и развернуло самую широкомасштабную и сложную операцию в своей истории, взяв на себя лидирующую роль в осуществлении программы помощи 3,5 млн. гражданских лиц. Центральным элементом этой операции стал самый продолжительный, как оказалось, в истории – три с половиной года – воздушный мост, в рамках которого почти ежедневно в столицу Боснии Сараево совершались челночные рейсы транспортных самолетов, доставлявших продовольствие его населению.

Этот город, который лишь несколькими годами ранее, в 1984 г., с гордостью принимал участников зимних Олимпийских игр со всего мира, теперь превратился в горестное сборище деморализованных гражданских лиц, дрожавших от холода и страха в своих неосвещаемых домах и ставших легкой мишенью для сербских артиллеристов, расположившихся на высотах вокруг города.

После активизации вмешательства в конфликт США и НАТО боснийской фазе балканского кошмара был положен конец 21 ноября 1995 г., когда главные стороны в самом неожиданном месте, на базе ВВС США близ города Райт-Паттерсон, штат Огайо, достигли договоренностей, которые получили известность как Дейтонские мирные соглашения.

Пушки умолкли. Босния была поделена на две почти равные части: так называемую Сербскую Республику, духовный центр этнических сербов, и Боснийско-Хорватскую Федерацию. В соответствии с Приложением 7 к Дейтонским соглашениям (*см. материал на стр. 14*) УВКБ ООН вновь стало ведущей организацией в деле оказания гуманитарной помощи, но на этот раз на него была возложена задача по репатриации гражданских лиц – жертв военных действий из убогих и грязных эвакуационных центров, разбросанных по всему региону, из заброшенных домов и поврежденных бомбами зданий, куда они самовольно вселились после бегства владельцев, и даже из центров для беженцев и частных домов, приютивших их в Европе и Северной Америке, и возвращения их на родную землю, опустошенную войной, усеянную минами, почти лишенную физической инфраструктуры и возможностей для трудоустройства, где в любой момент могла с новой силой вспыхнуть межэтническая вражда.

Накануне наступающей в ноябре 10-й годовщины подписания Дейтонских соглашений Мостарский мост сегодня вновь служит драматичным символом событий прошедшего десятилетия, удобной точкой отсчета для ответа на вопрос, что удалось, а что нет в попытках восстановить этот многострадальный юго-восточный уголок Европы.

Мост и близлежащие здания тщательно восстановлены в рамках многомиллионного международно-

УВКБ ООН вновь стало ведущей организацией в деле оказания задачи **репатриации** гражданских лиц – жертв военных действий почти лишенную возможностей для трудоустройства, где в любой

Краткая ИСТОРИЯ БАЛКАН

1878 г.

На Берлинском конгрессе перекраивается карта Балкан и, без учета желаний местного населения, создаются **три новые страны**: Сербия, Черногория и Румыния.

28 июня 1914 г.

Во время визита в боснийскую столицу Сараево от руки сербского террориста **гибнет** наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд. Это событие повлекло за собой начало Первой мировой войны, а затем распад Австрийской и Османской империй. Из их обломков в 1918 г. создается, в частности, **“Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев”**.

24 октября 1944 г.

В последние дни Второй мировой войны партизанские отряды под командованием Иосипа Броз Тито освобождают столицу Югославии Белград и устанавливают **коммунистический режим**, которому суждено просуществовать почти полстолетия.

25 июня 1991 г.

После смерти Тито начинают проявляться внутренние противоречия. Хорватия и Словения провозглашают **независимость**, но федеральные войска Югославии, в которых доминируют сербы, захватывают **30% территории Хорватии**. Позднее в том же году УВКБ ООН назначается ведущей гуманитарной организацией для оказания помощи во время возникшего кризиса.

3 марта 1992 г.

Независимость провозглашает Босния и Герцеговина, но войска этнических сербов захватывают **70% территории этой страны** и осаждают ее столицу Сараево. УВКБ ООН налаживает воздушный мост для снабжения жителей города продовольствием. Операция продолжается 3,5 года – самый длительный в истории гуманитарный воздушный мост.

1991–1995 гг.

За четыре года войны **погибли сотни тысяч людей**; в международный лексикон входит термин “этническая чистка”; гуманитарные организации в труднейших условиях пытаются накормить и защитить около 3,5 млн. гражданских лиц. Особый урон нанесен физической инфраструктуре Боснии, которая практически разрушена.

11 июля 1995 г.

Сербские войска учиняют самую ужасную со времен Второй мировой войны расправу в Европе: захватив мусульманский анклав Сребреница, они **убивают почти 8 тыс. муж-**

чин и мальчиков. Эта катастрофа ускоряет вмешательство сил США и НАТО.

12 августа 1995 г.

С изменением военной обстановки явно не в пользу сербских войск Хорватия разворачивает операцию **“Буря”** для возвращения удерживаемых сербами территорий. В ходе этой войны из Хорватии бегут около 250 тыс. этнических сербов.

21 ноября 1995 г.

Дейтонские мирные соглашения кладут конец военным действиям в Боснии и Герцеговине. Происходит развертывание возглавляемых НАТО сил по обеспечению выполнения соглашений, и УВКБ ООН назначается **ведущим гуманитарным учреждением** для координирования действий, репатриации, снабжения продовольствием и обеспечения новым жильем изгнанных из своих домов жителей региона.

15 января 1998 г.

Хорватия мирным путем возвращает последние из своих районов, захваченных сербскими войсками на востоке страны, и тем самым впервые приобретает **полный суверенитет** над всей своей территорией.

24 марта 1999 г.

В то время как на остальной территории бывшей Югославской Республики предпринимаются попытки залечить нанесенные войной раны, в южном крае Косово назревает новый кризис в отношениях между албанским этническим большинством и сербами. После провала проходивших во Франции мирных переговоров НАТО начинает **78-дневную воздушную войну** против сербских войск. Через несколько дней почти **900 тыс. этнических албанцев спасаются бегством** или насильно выдворяются из этого края в Албанию, Македонию и Черногорию.

12 июня 1999 г.

После принятия мирного плана в Косово входят войска НАТО и России. Вслед за ними всего за несколько недель возвращается практически **все этнически албанское население**, которое несколькими месяцами ранее бежало из Косова. Эти события стали самым скоротечным в истории исходом и возвращением беженцев. Однако, боясь репрессий со стороны албанцев, около 230 тыс. косовских сербов, цыган и других меньшинств бегут в противоположном направлении – в Сербию и Черногорию. Для управления Косовом создается Временная гражданская администрация ООН в рамках МООНК.

11 декабря 1999 г.

Над Балканами веет ветер политических перемен. Умирает хорватский лидер, сторонник жестких мер Франьо Туджман, и в стране устанавливается **демократическая система**. В октябре следующего года Слободан Милошевич признает свое поражение на президентских выборах в Белграде, и 28 июня 2001 г. его выдают **Международному трибуналу** в Гааге по обвинению в совершении военных преступлений.

Февраль 2001 г.

Разгорается конфликт в бывшей югославской Республике Македонии (БЮРМ), и более **150 тыс. человек бегут из нее**, в основном в соседнее Косово. В августе две противоборствующие в Республике стороны подписывают мирное соглашение, и в нее начинает возвращаться гражданское население.

4 февраля 2003 г.

В Белграде парламент утверждает Конституционную хартию новой страны – Государственного Союза Сербии и Черногории. Это событие знаменует также **официальное прекращение** существования Союзной Республики Югославии, которая распалась в ходе балканских войн 1990-х гг.

Июль 2004 г.

Босния проходит важную веху на пути к своему возрождению – домой возвращается **миллионный перемещенный житель**.

Январь 2005 г.

Босния и Герцеговина, Хорватия, Сербия и Черногория при поддержке УВКБ ООН, Европейского союза и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) договариваются решить все остающиеся вопросы, касающиеся беженцев и перемещенных внутри страны лиц, **к концу 2006 г.**

Сентябрь 2005 г.

По оценкам, с середины 1990-х гг. по всем Балканам домой вернулись 2,5 млн. изгнанных из родных мест людей. Однако возвращения **все еще ожидают около 620 тыс. гражданских лиц**. Наиболее серьезная проблема связана с возвращением в Косово этнических сербов и других меньшинств. УВКБ ООН затратило около 500 млн. долл. США на оказание помощи во время растянувшегося на десять лет процесса реализации Дейтонских соглашений, но после выполнения функции ведущего гуманитарного учреждения и в военное, и в мирное время оно в последние годы сворачивает свои операции в регионе.

гуманитарной помощи, но на этот раз на него была возложена на **родную землю, опустошенную войной**, усеянную минами, момент могла с новой силой вспыхнуть **межэтническая вражда**.

DP/21234-2005 DP/23026-2005

За последние годы по всему балканскому региону примерно 2,5 млн. человек вернулись домой.

В последние годы люди возвращаются в так называемые “районы меньшинств”, разбросанные по всем Балканам.

Этнический хорват-крестьянин в боснийской Сербской Республике.

Расширенная боснийская семья, половина которой переехала на постоянное жительство в Соединенные Штаты, в своем заново отстроенном доме в городке Столач под Мостаром, который прежде был оплотом хорватов.

го проекта спасения исторического наследия. Часть подлинных каменных блоков были подняты со дна текущей под ним реки, недостающие блоки были добыты в той же самой старинной каменоломне. Разобран временный пешеходный мостик, соединявший две разделенные части города, который и сам был символом войны и раскола.

Расположенные террасами ресторанчики, украшенные яркими зонтиками, где непринужденно общаются местные посетители и все более многочисленные иностранные туристы, предлагают меню с местными мясными деликатесами, такими как чевапи (сарделька), ягнетина (ягненок), силоване паприке (фаршированный сладкий перец) и обжигают крепкие местные сорта бренди. В Неретве, спасаясь от изнурительной летней жары, плещутся дети. По всему ущелью разносятся смех и музыка.

Мало кто в эти дни останавливается у расположенной по одну сторону моста небольшой памятной плиты, увенчанной хвостовым стабилизатором разорвавшейся реактивной гранаты, с лаконичной надписью на английском “DON'T FORGET '93” (“Не забывай 1993 год”).

А всего через несколько улиц можно натолкнуться на еще более красноречивое напоминание о конфликте: ряды домов-призраков, изрешеченных шрапнелью, слишком сильно разрушенных, так что для их восстановления у руководства страны не хватает средств, а возможно, и политической воли.

Однако и помимо мостарских контрастов как у оптимистов, так и у пессимистов хватает доводов для аргументирования своих оценок в отношении событий, которые произошли в регионе за прошедшие 10 лет.

ХОРОШИЕ НОВОСТИ

За последние годы по всему балканскому региону примерно 2,5 млн. человек вернулись домой. До 650 тыс. беженцев поселились на постоянное жительство за рубежом, и такие организации, как УВКБ ООН, более не следят за их положением.

После подписания Дейтонских соглашений в Боснию вернулись свыше 1 млн. гражданских лиц, причем почти половина из них в районы, где они теперь составляют этническое меньшинство, и это – наиболее трудный и щекотливый аспект всего проекта по репатриации беженцев.

В первые годы после заключения мира стране была оказана помощь на 5 млрд. долл. США. Около половины из 500 тыс. разрушенных домов в Боснии восстановлены или построены заново. Разрешены мирным путем около 200 тыс. имущественных споров.

Как и Мостарский мост, возродилось Сараево: в нем опять кипит яркая уличная жизнь, как в прежние времена, открыты модные магазины и рестораны даже несмотря на то, что кое-где даже в центральной части города постоянным напоминанием о недавнем прошлом стоят безжизненные корпуса разрушенных зданий.

Численность международных сил по поддержанию мира в Боснии сократилась с максимального уровня в 69 тыс. человек до нынешних 7 тыс. ввиду отсутствия заметных нарушений безопасности.

В 1998 г. правительство Хорватии вернуло себе последние из территорий, захваченных югославскими федеральными войсками в первые дни войны, что сделало возможным мирное завершение конфликта между двумя странами.

Правительство в Загребе, обвиняемое многими критиками в том, что оно затягивает возвращение в Хорватию этнических сербов, тем не менее заявило, что за последние 10 лет им было принято более 130 тыс. вернувшихся домой беженцев. Кроме того, в свои города и села вернулись 240 тыс. лиц, перемещенных во время войны внутри страны.

В Югославии, которая позже была официально переименована в Государственный Союз Сербии и Черногории, число беженцев на сегодняшний день сократилось по сравнению с 1996 г. более чем на две трети и составляет примерно 150 тыс. Более 100 тыс. гражданских лиц вернулись в Хорватию и Боснию, и, что стало крупным событием последних лет, еще 116 тыс. беженцев положительно отреагировали на предложение Белграда остаться в стране на постоянное жительство и получить гражданство.

Международное сообщество приветствовало новую, более гибкую позицию Белграда и одобрило скорейшее выделение пакета помощи в размере 1,3 млрд. долл. США на восстановление сильно пострадавшей экономики страны.

Во всех трех странах в результате этого обратного движения возвращающихся домой беженцев во многих районах сербы, хорваты и боснийцы (мусульмане) вновь живут и трудятся бок о бок.

[После того как пушки смолкли на севере Балкан, на юге вспыхнули другие межэтнические конфликты: в 1998 г. в сербском крае Косово и в 2001 г. в бывшей югославской Республике Македония (БЮРМ). Эти конфликты вызвали новые массовые перемещения гражданского населения, однако более 1 млн. беженцев в этом регионе очень ско-

DP/20974-2005

ро вернулись домой. См. отдельный материал на стр. 26.]

На смену авторитарным режимам в Белграде и Загребе пришли демократические правительства, и бывший лидер Югославии Слободан Милошевич был отправлен в Гаагу, где он находится и по сей день и сам ведет свою защиту на суде по обвинению в военных преступлениях.

В январе правительства Боснии, Хорватии и Сербии и Черногории в сотрудничестве с УВКБ ООН,

Этническая сербская девушка-подросток под Книном после возвращения из Сербии.

Этим трем женщинам из Хорватии и Боснии не остается ничего иного, как коротать свой век в доме для престарелых в окрестностях сербской столицы Белграда.

Европейским союзом и Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) заявили, что поставят последнюю точку в процессе урегулирования проблемы беженцев в своих странах. Они подписали Сараевское соглашение ("Инициатива 3х3"), в котором договорились урегулировать все нерешенные проблемы перемещенных лиц в регионе к концу 2006 г.

После этого УВКБ ООН практически завершило бы свою миссию по руководству реализацией гуманитарных целей Дейтонских соглашений, в ходе ко-

торой оно затратило 500 млн. долл. США на проекты по защите беженцев и оказанию им помощи. На этом также закончилась бы экстраординарная эра в истории как организации, так и региона.

Пэдди Эшдаун, Высокий представитель международного сообщества в Боснии, неунывающий реалистичный оптимист, называет десятилетие выполнения Дейтонских соглашений не иначе как "чудом".

Этот в прошлом политический деятель из британской Либеральной партии недавно говорил: "То,

сколько многого удалось за 10 лет добиться в Боснии, – это чудо. [Не следует забывать, что] там погибла шестнадцатая часть населения – больше, чем во Франции за годы Второй мировой войны, – и половина населения лишилась крова..."

Местный сотрудник одного гуманитарного учреждения, переживший осаду Сараева, высказался по поводу результатов Соглашений не менее эмоционально: "Мы готовы были подписать соглашение хоть с дьяволом, лишь бы прекратить войну, положить конец страданиям и гибели людей.

По всей территории Балкан разбросаны примерно **620 тыс. беженцев** и внутренне перемещенных лиц, которые ожидают своей очереди на возвращение домой, но некоторым из них **возвращаться некуда.**

Все остальное было неважно".

ПЛОХИЕ НОВОСТИ

В доме для престарелых на окраине Белграда три женщины старше 70 лет живут вместе в маленькой комнате, у каждой есть железная кровать и тумбочка. Две из них из района Книн в Хорватии, а третья из Горажде, что в Боснии. Всех троих выгнала из дома война, и, будучи этническими сербками, они искали временного убежища в Сербии. За годы изгнания они потеряли мужей, родственников и все имущество.

Драгинья Матияс (78 лет), в панике покидая свой деревенский дом в 1995 г., думала уже через несколько дней вернуться, а теперь "вот все, что у меня осталось, – говорит она, прижимая к груди черную сумочку. – Больше ничего нет, – повторяет она в слезах, – я слишком стара, так что, видно, здесь

и умру". Ее две соседки согласно кивают в знак того, что такая же судьба, похоже, уготована и им.

По всей территории Балкан разбросаны примерно 620 тыс. беженцев и внутренне перемещенных лиц, которые ожидают своей очереди на возвращение домой, но некоторым из них, таким как те три старые женщины в Белграде – забытым осколкам любой войны, – возвращаться некуда.

Других закрутил водоворот региональных политических пертурбаций. Когда потоки этнических албанцев хлынули в 1999 г. вслед за отступающими

“Дейтон, – говорит остающаяся в изгнании этническая сербка, – был неизбежной катастрофой”.

Прокладывая путь Назад, к родному дому

ДЕЙТОНСКИЕ МИРНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ положили конец войне в Боснии и Герцеговине. Они были **парафированы** лидерами Боснии и Герцеговины, Хорватии и Союзной Республики Югославии на базе ВВС США Райт-Паттерсон в городе Дейтон, штат Огайо, 21 ноября 1995 г. и 14 декабря того же года подписаны в Париже.

По условиям этих соглашений стороны договорились **уважать суверенитет друг друга, соблюдать соглашение о прекращении огня в Боснии, вывести вооруженные силы** за согласованные линии разъединения, **принять новую конституцию** и провести президентские и парламентские выборы.

Была **воссоединена столица Сараево** и создано центральное правительство, но в то же время, согласно одному из наиболее противоречивых положений, **были также признаны два отдельных образования** в рамках одной страны, отражающих реальный этнический состав населения, – так называемые Боснийская Сербская

Республика и Боснийско-Хорватская Федерация.

Когда в 1991 г. на Балканах начались войны, Генеральный секретарь ООН возложил на УВКБ ООН роль ведущего учреждения по оказанию гуманитарной помощи в условиях разворачивавшейся чрезвычайной ситуации. В соответствии с Дейтонскими соглашениями **агентству по делам беженцев было вновь предложено взять на себя лидирующую роль в усилиях по оказанию помощи миллионам людей**, сорванных с родных мест войной, в возвращении домой.

Хотя эти соглашения касались конкретно Боснии и Герцеговины, они оказали значительное политическое, военное и гуманитарное воздействие на весь балканский регион.

Задачи в гуманитарной области были изложены в **Приложении 7** к Дейтонским соглашениям. Его главные пункты включали:

■ **На УВКБ ООН как ведущее учреждение возлагалась**

“задача координации деятельности всех учреждений, оказывающих содействие репатриации”, и разработки “плана репатриации, который позволит в кратчайшие сроки осуществить мирное, упорядоченное и поэтапное возвращение беженцев и перемещенных лиц”.

■ *“Все беженцы и перемещенные лица имеют право свободно вернуться в места первоначального проживания. Они имеют право на возвращение имущества, которого лишились в ходе военных действий начиная с 1991 г., и на получение компенсации за любое имущество, которое не может быть им возвращено”.*

■ *Возвращающиеся лица должны иметь возможность вернуться домой, “не подвергаясь риску беспокоящих действий, запугивания, преследования или дискриминации, особенно по причине их этнического происхождения, религиозных верований или политических убеждений”.*

■ *Все стороны договорились отменить “внутреннее законодательство и административную практику, имеющие дискриминационные цели или последствия”; предотвращать подстрекательство через средства массовой информации или иным путем “к этнической или религиозной вражде или ненависти”; защищать этнические меньшинства и гарантировать им беспрепятственный доступ к гуманитарным организациям; и преследовать в судебном порядке, увольнять или переводить на другую работу любых должностных лиц, нарушающих основные права меньшинств.*

■ *Стороны обязались создать “политические, экономические и социальные условия”, стимулирующие возвращение и реинтеграцию беженцев, и, что чрезвычайно важно, была учреждена Комиссия по делам перемещенных лиц и беженцев для вынесения решений по сотням тысяч потенциальных имущественных споров и исков.*

сербскими военными и полицейскими формированиями назад в Косово, десятки тысяч гражданских лиц из числа сербов и других национальных меньшинств в панике устремились за войсками, боясь возможной мести со стороны албанцев.

За прошедшие годы лишь немногие из них вернулись домой. Но пока международное сообщество, Сербия и албанцы продолжают спор о судьбе края: быть ли ему полностью независимым, поскольку большинство населения составляют албанцы, или автономным в составе Сербии, – в правовом вакууме все еще находятся четверть миллиона гражданских лиц, которые, оставаясь в качестве перемещенных лиц на территории собственно Сербии, не уверены в своем будущем и не желают ставить его на карту, возвращаясь в Косово.

Перед балканскими странами стоят и другие общие для всех трудноразрешимые проблемы. Резко сократился приток иностранной помощи, и страны региона сталкиваются одновременно с двумя сложнейшими задачами: ликвидация последствий опустошительных войн и замена устаревшей экономики социалистическо-коммунистического типа более гибкими системами.

Безработица в среднем находится на уровне 30%, а в некоторых регионах достигает 80%. Половина населения Боснии живет на уровне или ниже черты бедности, половина лишена доступа к медицинскому обслуживанию и 18% не имеют электричества. В то же время раздутый бюрократический аппарат Боснии – пять президентов, два премьер-министра, 13 министров образования, ведающих различными властными структурами, – съедает 60% ВВП страны.

Наиболее одиозные проявления дискриминации ликвидированы, но сохранилась и широко распространена “молчаливая” или “бархатная” дискримина-

ция при трудоустройстве, получении медицинской помощи или места в школе.

Многие гражданские лица, в первую очередь вернувшиеся домой беженцы, вынуждены перебиваться натуральным хозяйством, когда корова или маленький огород могут быть единственным источником пропитания. Недавно на вопрос, как этим людям удастся выживать, одна работающая здесь сотрудница международной организации пожалела плечами и ответила: “Они все волшебники. Мы не можем понять, как им удастся дотягивать до конца очередной недели”.

Жить стало, возможно, гораздо безопаснее, но на свободе остаются еще не менее 10 тыс. хорошо известных военных преступников из одной только Боснии, в том числе Радован Караджич и Ратко Младич, которым инкриминируется роль зачинщиков массовой расправы в Сребренице и других кровавых злодеяний.

Даже если представители меньшинств возвращаются, как правило, лишь около половины из живших здесь до войны селятся в своих прежних домах. И хотя эти вернувшиеся из изгнания беженцы живут бок о бок со своими прежними соседями, которые позднее, во время недавних войн, стали их врагами, они редко живут, как бывало, вместе.

«Как-то раз я съездила посмотреть, что стало с моим домом в Мостаре, – говорит женщина, живущая сейчас на окраине Белграда. – Увидев меня, давняя соседка сказала: “Что ты здесь делаешь? Для меня ты не существуешь”. Поэтому я туда никогда больше не вернусь».

Бывший Верховный комиссар Рууд Любберс в 2004 г. предупреждал Исполнительный комитет УВКБ ООН о том, что, вероятно, никогда не удастся восстановить прежнюю обстановку на Балканах. “Продолжая содействовать возвращению всех, кто

Жизнь семей, возвращающихся в разрушенные деревни в центральной Боснии, очень тяжела.

Навенка Бодирога родом из Сараева решила остаться в Сербии.

Этнические сербы, вернувшиеся в Книн в 2005 г.

DP/20747-2005

“ Я расплакался, как только переступил порог родного дома. Слезы радости по-прежнему переполняют меня. Я не могу поверить своим глазам ”,

— говорит этнический серб, вернувшийся в Хорватию, где его ждали вновь отстроенный дом и новорожденный внук.

DP/20795-2005

Исход из Книна, 1995 г.

к этому стремится, нам следует все же отказаться от надуманной и приводящей к обратным результатам цели: вернуть домой всех, кто бежал из родных мест”, — сказал он.

Некоторые критики считают, что во всех бедах, одолевших Боснию и ее соседей, виноваты Дейтонские соглашения. Один профессор Сараевского университета назвал их “франкенштейновским соглашением”, поскольку в них были юридически закреплены последствия проводившейся в ходе военных действий политики этнической чистки — четкое разделение страны на две части: Сербскую Республику, где доминируют сербы, и Боснийско-Хорватскую Федерацию.

Навенка Бодирого бежала из Сараева в начале войны на последних месяцах беременности. Теперь она помогает своей семье сводить концы с концами, выполняя мелкие портняжные заказы на дому в городке Сабач под Белградом. Вспоминая родное Сараево, она плачет. “Я так скучаю по своему дому!” —

говорит она. Тем не менее недавно она решила принять сербское гражданство и уже никуда не уезжать.

“Дейтон — говорит она, — был неизбежной катастрофой”. Эти договоренности, возможно, положили конец убийствам, но для таких сербов, как она, договоренности обернулись многолетними бедствиями и, в конце концов, постоянным изгнанием.

НАДЕЖДЫ И ОПАСЕНИЯ

В ходе недавнего посещения Хорватии, Боснии и Сербии мне стали воочию видны все противоречивые последствия реализации Дейтонских соглашений: надежды на возвращение и опасения в связи с ним, борьба за выживание, восстановление дружеских отношений и сохраняющаяся со времен войны вражда, а также страхи по поводу все еще столь неясного будущего.

В хорватской Краине местные жители считают, что именно в поросших кустарником холмах и глу-

боких лощинах вокруг Книна, столицы этого края, и произошли изначально события, которые привели к серии войн, взорвавших бывшую Югославию.

Хорваты все еще с содроганием вспоминают об одном собрании, состоявшемся в конце 1989 г., на котором служители церкви и другие ораторы, выступая в местной православной церкви Св. Лазаря с пропагандой сербского национализма, довели 60-тысячную толпу прихожан до иступления. “Тогда-то мы поняли, что войны не избежать”, — вспоминал недавно один крестьянин.

В то время в Краине была сосредоточена основная часть живших в Хорватии этнических сербов, которые в 1991 г. провозгласили собственную Республику Краину (“краина” означает приграничную территорию).

Неудивительно, что после этого начался первый массовый исход гражданского населения. По мере того как сербские солдаты и ополченцы одерживали военные победы, примерно 500 тыс. хорватов и дру-

гих несербских жителей бежали из Краины и других частей страны. Но на войне удача переменчива: оправившаяся от поражений хорватская армия начала в 1995 г. операцию “Буря”, вынудив уйти в изгнание теперь уже примерно 250 тыс. сербов, и это была лишь часть неразберихи и массовых перемещений различных местных групп населения по всем Балканам.

По имеющимся оценкам, 40 тыс. из 120 тыс. этнических сербов к настоящему времени вернулись в район Книна, но теперь они составляют лишь 10% населения края против 90% до войны. В целом численность сербов в Хорватии сократилась более чем наполовину по сравнению с довоенным временем, когда их насчитывалось 600 тыс.

Радикальное изменение этнического соотношения в составе населения и немногочисленность тех, кто возвращается в родные края, где они теперь составляют этническое меньшинство, отражают характер перемен, которые наблюдаются во многих городах и

DP/20853-2005

“После войны мы впервые могли вслух называться хорватами. А теперь опять чувствуем себя как будто меньшинством”,
— жалуется на продолжающееся доминирование сербов живущий в Книне хорват.

Хорватская семья, бежавшая в 1991 г. из Книна, после возвращения домой наладила маленький, но успешный овощеводческий бизнес.

деревнях по всем Балканам и чреватые непредвиденными последствиями в будущем.

В личных судьбах хорватов, боснийцев и сербов, о которых пойдет речь ниже, отражаются как достигнутые успехи, так и сохраняющиеся по всему региону проблемы.

Когда Сава и Невенка Стоянович бежали в 1995 г. в Сербию, их дом разрушили до основания хорватские солдаты. Два года спустя они вернулись, и хотя им пришлось еще три года жить в примыкавшей к дому конюшне, в то время они получили щедрую помощь на восстановление своего родового дома в деревне, но в нынешнее трудное для экономики время такой помощи уже не оказывают.

Дом Бориса Петко тоже был разрушен, но отстроен заново в числе примерно 120 тыс. зданий, которые государство восстанавливает после окончания войны. Хотя его жена вернулась домой уже несколько лет назад, сам он, будучи этническим сербом и опасаясь возможных преследований со стороны составляющих большинство хорватов, лишь недавно вернулся из изгнания в родную деревню на постоянное жительство. Его ждал не только новый дом, но и внук, который появился на свет через несколько часов после его возвращения. Семье едва удастся сводить концы с концами, продавая молоко от четырех коров, но Борис Петко не может сдержать эмоций и делится с гостем радостью: “Я расплакался, как только переступил порог родного дома. Слезы радости по-прежнему переполняют меня. Я не могу поверить своим глазам. Это прекрасно!”.

Душанке Йолич не так повезло. Она, этническая сербка, в течение двух лет по возвращении ютилась в полуподвальном помещении, а всего в нескольких сотнях метров от ее нового жилища этнические хорваты – беженцы из Боснии продолжают занимать трехэтажный дом ее семьи в деревне Ковачич. Новый жилец-хорват уже разобрал часть

дома на строительные материалы, и каждый раз, когда г-жа Йолич требует вернуть ей дом, он угрожает, что разрушит его до основания. “В первый раз я подала заявление о возвращении моего дома в 1998 г., – говорит она, – но все еще жду результата”. Хорватские власти отказываются вмешиваться.

У Перисы Мияковича нет ни работы, как и у большинства рабочих Краины, ни дома. При действовавшей до войны социалистической системе ему была гарантирована государственная квартира, но в послевоенном хаосе десятки тысяч людей лишились этой привилегии. Обеспечение таких граждан, как Миякович, новым, альтернативным жильем – это сегодня, пожалуй, самая большая проблема для Загреб, хотя некоторые критики обвиняют правительство в целенаправленных и настойчивых попытках сорвать этот процесс. А пока не будет найдено решение проблемы, Миякович продолжает жить то у тещи в деревне Ридьяне, то в своем доме в изгнании, не будучи уверен, с какой страной – Хорватией или Сербией – связать свое будущее.

Перед Робертом Конфортой стоит иная дилемма. Будучи хорватом, он в 1991 г. бежал из своего дома, но в 1995 г., когда его соседи-сербы погрузились на свои трактора с прицепами и тоже стали изгнанниками, вернулся. Хотя он сейчас входит в хорватское этническое большинство, муниципалитет населенного пункта, где живет Конфорта, возглавляет приезжий этнический серб, и Конфорта жалуется, что тот препятствует расширению его небольшого овощного бизнеса.

“После войны мы впервые могли вслух называться хорватами, – говорит он, – а теперь опять чувствуем себя как будто меньшинством”. Это потенциально опасные умонастроения на фоне еще свежих воспоминаний о том, что здесь происходило во время войны.

Замечательный успех, но впереди еще много работы

Высокий представитель в Боснии дает оценку 10 годам мира

Пэдди Эшдаун

В ИЮЛЕ Я ПРИСУТСТВОВАЛ НА ЦЕРЕМОНИИ В ПАМЯТЬ О 10-й ГОДОВЩИНЕ

массовой расправы в Сребренице. Совершенные там убийства – позорное пятно на совести Европы. Однако Сребреница ассоциируется не только с ужасом и скорбью, но и с надеждой.

Каждый, будь то мужчина, женщина или ребенок, кто вернулся домой в этот город или любое другое место в Боснии и Герцеговине и во всем балканском регионе, ежедневно служит живым подтверждением того факта, что время не остановить и зло не восторжествовало. Эти возвращающиеся люди отстаивают право, которое в Европе еще не удалось утвердить, – право беженцев на возвращение.

В 1945 г. в Европе насчитывалось 5 млн. перемещенных лиц. Почти никто из них не вернулся туда, где они жили до Второй мировой войны.

В 1995 г., на момент подписания Дейтонских мирных соглашений, в результате войны в Боснии было свыше 2 млн. беженцев и перемещенных лиц. С тех пор более 1 млн. вернулись домой. О таком успехе нельзя было и мечтать во время или сразу после прекращения конфликта.

Тогда главными препятствиями для возвращения были психологическая травма, которую испытали изгнанники, и постоянное запугивание со стороны тех, кто изгнал их из родных мест. В условиях царившего тогда беззакония и административного хаоса учреждения на местах – полиция, муниципалитеты и социальные службы – были по политическим соображениям не склонны оказывать поддержку процессу возвращения либо были в административном плане неспособны создать способствующие возвращению беженцев условия.

В ходе медленного процесса улучшений, включавшего увольнение обструкционистски настроенных полицейских чинов и муниципальных бюрократов, обстановка постепенно исправлялась. В начале нового тысячелетия число возвращавшихся ежегодно беженцев возросло с десятков тысяч до сотен тысяч, хотя в последнее время темпы возвращения опять замедлились.

Мы вступили в новый этап процесса, когда самым серьезным препятствием для возвращения домой являются уже не политические или административные факторы, а отсутствие экономических возможностей.

Недавно мне пришлось выступать в Сребренице на открытии металлообрабатывающего завода. Я отметил тогда, что это событие носит сугубо практический характер, поскольку позволяет людям зарабатывать на жизнь. Я также указал, что иностранный инвестор вложил капитал в это предприятие не из альтруизма, а на основе взвешенного делового решения

с учетом многолетней специализации предприятий в этой части страны на металлообработке.

Компанию-инвестора привлекают в этом регионе наличие квалифицированной рабочей силы, конкурентоспособный уровень заработной платы, стабильность валюты, обеспеченность ресурсами и близость к рынкам сбыта. Я добавил, что такое сочетание благоприятных условий, скорее всего, вызовет положительную реакцию у все большего числа инвесторов.

РАБОЧИЕ МЕСТА – КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР

НОВЫЕ ИНВЕСТИЦИИ – это новые рабочие места, что, в свою очередь, означает более высокий уровень жизни. Эта формула лежит в основе устойчивости процесса возвращения беженцев в Боснию и Герцеговину.

Мы не занимаемся благотворительностью. Мы способствуем максимальной реализации экономического потенциала для подведения под процесс возвращения надежной основы. Рабочие места – это кирпичики, из которых складывается процесс роста благосостояния, и они же являются составным элементом процесса возвращения беженцев.

УВКБ ООН по-прежнему играет исключительно важную роль в этой истории. После подписания Дейтонских соглашений оно задало темп процессу возвращения беженцев и обеспечило, чтобы эволюция страны в современное демократическое общество была основана на принципе реинтеграции общин, а не их постоянного размежевания.

Агентство продемонстрировало впечатляющую способность адаптировать свои программы и стратегию к постоянно меняющимся условиям. От обеспечения крыши над головой оно перешло к этапу устранения правовых и административных препон на пути устойчивого возвращения, включая создание центров правовой и информационной поддержки, которые уже помогли сотням тысяч вчерашних беженцев.

ИСТОРИЯ ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧЕНА

ПЕРВООЧЕРЕДНАЯ ЗАДАЧА состоит в том, чтобы вдохнуть хозяйственную жизнь в общины вчерашних беженцев и придать процессу необратимый характер. Необходимо преодолеть распад общественных связей и лукавство в политике, но во многих местах уже идет борьба и за это.

И все же в скольких еще странах столько жертв войны смогли вернуть свою собственность, как это было в Боснии и Герцеговине?

По любым меркам процесс возвращения вчерашних беженцев проходит с замечательным успехом, но он не будет завершен до тех пор, пока каждый, кто пожелает вернуться, не получит такую возможность.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ГОРОДА

Супермаркеты, рекламные щиты, новые высотные дома, трамваи и оживленные улицы.

Сараево сегодня

Дейтонское “чудо”: 10 лет спустя

Восстановление
Сербской
Республики.

Юристы
из организации
“Ваша права”
помогают
нуждающимся в их
помощи жителям
по всей Боснии.

Недавно отмечавшаяся 10-я годовщина начала операции “Буря” вновь со всей очевидностью продемонстрировала раздвоенность чувств, гнев и глубокую разобщенность, которые по-прежнему преобладают в отношениях между столь многими общинами.

Премьер-министр Хорватии Иво Санадер назвал эту операцию “славной освободительной акцией, поворотным моментом в истории Хорватии”, однако при этом сделал примирительный жест в сторону этнических сербов, заявив: “Но мы должны отделить эту цель (освобождение) от тех постыдных акций, которые последовали затем, против сербов”.

Тогда же премьер-министр Сербии Воислав Костуница вспоминал: “Колонна изгнанников – от Книна до Белграда – стала свидетельством совершения ужасающего, доселе невиданного преступления – самой массовой этнической чистки со времен Второй мировой войны. Даже сегодня, десять лет спустя, справедливость не восстановлена, а правда не признана”.

СЕРБСКОЕ ЯДРО В БОСНИИ

По другую сторону границы, в Боснии, сербские войска в 1992 г. полностью “очистили” от боснийских жителей (мусульман) городок Козарац и близлежащие деревни. Они хотели создать “чистое” ядро своей Сербской Республики, центром которой стал соседний город Баня-Лука.

Тысячи местных жителей-мужчин были согнаны в концентрационные лагеря военного времени Омарска и Кератерм, снискавшие самую недобрую славу из-за ужасных условий и жестокого режима. Другие были убиты, а их тела сброшены в штольни находившихся поблизости шахт. Останки поднимают на поверхность и по сей день. Проводилось систематическое разрушение жилых домов и мечетей.

Когда корреспондент журнала “Беженцы” посетил Козарац в 1999 г., казалось, что попытки сагитировать боснийцев вернуться домой обречены на провал из-за открытого сопротивления со стороны сербских фанатиков.

DP/21304-2005

DP/21310-2005
DP/21315-2005

“Козарац выглядит как фотоснимок городов, переживших самые жестокие бомбардировки Второй мировой войны, – говорилось тогда в журнале. – От него почти ничего не осталось. Руины города-призрака зарастают сорняками. До войны в нем жили 16,5 тыс. зажиточных боснийцев. Пока что вернулись пять семей”.

Сегодняшняя картина намного отраднее. 90% жилых домов в округе восстановлены, вернулись около 7 тыс. боснийцев. И хотя этот общий показатель все еще не отвечает ожиданиям, вернувшиеся домой боснийцы-мусульмане достаточно уверенно смотрят в будущее. Они извлекли останки нескольких сотен братьев-боснийцев из братских могил и шахт и предали их земле на местном кладбище.

В последние два года поток возвращающихся беженцев вновь пошел на убыль, и огромные масштабы еще ждущей своего решения задачи восстановления Боснии нагляднее всего видны в тесной адвокатской конторе в городке Приедор – региональной штаб-квартире правозащитной группы под названием “Ваша права” (“Ваши права”).

Это правозащитное агентство, созданное при содействии УВКБ ООН и имеющее сеть представительств по всей стране, оказало бесплатную помощь как минимум 300 тыс. граждан в решении самых различных проблем – от восстановления в правах собственности на недвижимость до репатриации в Хорватию, от расторжения брака до получения разрешения на трудоустройство.

“Ко мне за день могут обратиться от 20 до 30 человек, – говорит адвокат Снежана Цепич, – и работы с каждым днем прибавляется. К сожалению, без наших услуг в ближайшие годы не обойтись”.

Удо Янц, до недавнего времени руководивший деятельностью УВКБ ООН в Боснии, считает, что создание сети “Ваша права” – один из наиболее успешных и важных проектов агентства по делам беженцев в ходе операций на Балканах. «Без сети “Ваша права” в наших усилиях по возвращению домой сотен тысяч беженцев было бы просто не обойтись, – говорит он. – Она имела огромный успех».

DP/21420-2005

УЖАС! УЖАС!

Религиозное и этническое безумие, символом которого стала Сребреница, ощущается уже за много километров до этого ставшего воплощением воинствующей нетерпимости места. На перекрестке сельских дорог на пути к долине Сребреницы местные религиозные фанатики построили в последние дни войны, в явно провокационных целях, небольшую православную церковь прямо в палисаднике перед домом женщины-мусульманки. Женщина пытается добиться, чтобы церковь была перенесена на другое место, но теперь ее же обвиняют в разжигании религиозной и межэтнической ненависти.

Именно на этом перекрестке в 1995 г. сербские солдаты разделяли боснийских мужчин и женщин, а затем мужчин уводили на расправу.

Чуть дальше по долине рабочие недавно спешно заканчивали возведение семиметрового бетонного креста в память о 49 этнических сербах, павших от рук боснийских ополченцев 7 января 1993 г., в день православного Рождества.

“Никто не вспоминает жертв среди сербов”, – с горечью говорит один из рабочих, явно намекая на запланированную на следующий день службу в память о почти 8 тыс. мужчин и мальчиков – му-

сульман, убитых в Сребренице, в нескольких километрах дальше по дороге.

И хотя разрушение Мостарского моста стало непосредственным и удобным поводом для всеобщего осуждения ужасов войны, только в этом году – десять лет спустя – сербское руководство и международное сообщество в целом осознали и признали на памятном митинге реальный масштаб преступления, совершенного в Сребренице, и публично склонили головы в знак раскаяния за те роли, которые они сыграли в нем.

Десятки тысяч простых людей, государственных деятелей, дипломатов, президент Сербии и родственники жертв собрались вокруг мемориала напротив заброшенного аккумуляторного завода, в том месте, где мужчин отделяли от женщин на глазах

Во имя веры:

Козарац:
перезахоронение
останков мусульман.

Православная
церковь, ставшая
предметом
конфликта.

Сребреница:
в память о погибших
сербах.

DP/21762-2005

DP/21765-2005

Религиозные фанатики построили, в явно провокационных целях, небольшую православную церковь прямо в палисаднике перед домом женщины-мусульманки. Женщина пытается добиться, чтобы церковь была перенесена на другое место, но теперь ее же обвиняют в разжигании религиозной и межэтнической ненависти.

DP / 21860-2005

Хафиза Ходлич
вспоминает
о массовой
расправе.

у беспомощной горстки солдат ООН и отправляя на смерть.

Мир стал очевидцем того, как в ходе траурной церемонии тела более 600 жертв были преданы земле рядом с другими 1326, похороненными ранее. Останки многих еще не опознаны или не найдены.

Надпись на мраморном обелиске мемориала выражает надежду на то, что столь жестокое массовое убийство больше не повторится:

*Пусть обида уступит место надежде
Пусть месть уступит место справедливости
Пусть слезы моей матери превратятся в молитвы
Чтобы Сребреница никогда
Не повторилась
Ни для кого и нигде*

Многие в этом отнюдь не уверены. Из довоенного населения Сребреницы – 28 тыс. боснийцев-мусульман – домой вернулись только 4 тыс.

“Много месяцев я умывалась слезами, – говорит 58-летняя Хафиза Ходлич, мужа и двух сыновей которой увели из дому после падения города и больше их никто не видел. – Я уже выплакала все слезы. Но по-прежнему верю, что придет день, и я вновь увижу своего мужа и сыновей, возвращающихся домой”.

Ее дочь Мерима Мустафич посмотрела недавно обнаруженную видеокассету, на которой заснята сцена убийства сербскими военными шести пленных мужчин из Сребреницы – первого наглядного свидетельства совершенного злодеяния. Среди убитых не было ее отца или братьев, но Мерима была настолько травмирована увиденным, что ее пришлось отвезти в больницу и сделать укол успокоительного средства. Прошло уже несколько недель, а она все еще не оправилась от потрясения.

“Я хочу вспоминать только о том, как мы здесь когда-то жили, – вздыхает ее мать, возвращаясь после очередной безуспешной попытки получить от местного муниципалитета помощь в восстановлении своего разрушенного дома. – Больше мне незачем жить”.

Женщинам и их детям, живущим в близлежащем эвакуационном центре Езевац, повезло чуть больше, чем Хафизе Ходлич. Им удалось найти и опознать тела своих “пропавших без вести” мужчин.

“Мы по крайней мере знаем, где покоятся их останки, – говорит одна женщина. – Это все же лучше”.

Но вот смогут ли они вновь жить в мире и согласии со своими соседями-сербам? “Никогда! Никогда! Никогда!” – тут же ответил дружный хор голосов. “Мы не верим им, а они нам, – заключает разговор одна из женщин. – А как, по-вашему, будет реагиро-

вать наша молодежь, когда узнает, что их отцы пали от рук соседей? Они этого никогда не забудут”.

САРАЕВО И УСТОЙЧИВОСТЬ

В САРАЕВЕ ДРЕБЕЗЖАЩИЕ ВЕТХИЕ ТРАМВАЙЧИКИ ОПЯТЬ КАТЯТ ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ БУЛЬВАРУ, КОТОРЫЙ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ПОЛУЧИЛ ПРОЗВИЩЕ “Аллея снайперов”, куда было не проехать без бронемашин. Зловонные бараки беженцев перестроены, и теперь это сверкающее чистотой предприятие, производящее кока-колу.

С наступлением темноты тысячи семей и влюбленных парочек заполняют брусчатые тротуары, ресторанчики и ювелирные лавки в старых турецких и австрийских кварталах города или идут на модную выставку во всемирно известной городской библиотеке, разрушенный интерьер которой еще ждет восстановления.

Вновь построенные гипермаркеты полны народа, но скромное пламя вечного огня в оживленном переходе напоминает жителям Сараева об одном из самых трагических моментов в истории города, когда ранним утром в феврале 1994 г. снаряд попал в группу покупателей, лишив жизни 68 и ранив 200 человек.

На территории еврейского кладбища, что расположено на окружающих город холмах и через которое во время войны проходила линия фронта, опять царит тишина. На нем были проведены кое-какие восстановительные работы, но, как это ни печально, вандализм еще не изжит.

Часть могил хулиганы осквернили уже в мирное время.

Когда-то Сараево было полным жизни многонациональным городом. Часть сербов вернулись в его пригороды, но многие другие, некогда владевшие домами и лавками в центре, предпочитают бывать в нем только наездами, живя в Сербии или еще дальше, и лишь изредка навещают в свои прежние дома.

И действительно, по мере ослабления ограничений на передвижение в большинстве стран балканского региона десятки тысяч человек, остающихся вне родины, возвращаются ненадолго в родные места навестить родных, друзей, свой дом и вновь прикоснуться к своему прошлому. И это также обнадеживающая примета будущего.

В разговорах об этом будущем все время звучит новое для Балкан модное словцо “устойчивость”, которое употребляют, когда хотят подчеркнуть необходимость упорения и консолидации прогресса, достигнутого за последние 10 лет, и решения еще остающихся проблем беженцев на большей части Балкан (за исключением Косова) к концу 2006 г.

“Пару лет назад главной проблемой была безопасность, безопасность и еще раз безопасность, – говорит бывший представитель УВКБ ООН Удо Янц, – а сегодня все только и говорят об экономике”.

Несмотря на широко развернутую в регионе программу восстановления того, что было разрушено во

Восстановленная
синагога в Сараеве.
Здесь во время
осады города
проходила линия
фронта.

время войны, повсюду еще видны ее шрамы: ржавящие остовы довоенных промышленных объектов – шахт, электростанций и кирпичных заводов, – на которых до войны трудилась основная часть рабочей силы.

Пущен ряд новых промышленных предприятий, и такие учреждения, как УВКБ ООН, оказывают поддержку в осуществлении разного рода проектов по развитию маломасштабного производства с опорой на собственные силы. Однако уже вернувшиеся домой или обдумывающие свое возможное будущее беженцы из числа гражданского населения почти в один голос говорят о том, что ключом к успеху в регионе в будущем является одно: удастся или нет обеспечить население работой.

В 1998 г. Франьо Маиевич, хорват 71 года, вернулся в свой старый дом в Сербской Республике, и, хотя проблем с обеспечением безопасности меньшинств нет, его волнует другое: “Если говорить о рабочих местах, то будущее не сулит ничего хорошего. Угольные шахты закрыты. Металлургический завод закрыт. У общины нет будущего”.

На другом конце страны Видак Дуйкович, этнический серб 69 лет, вернулся в свою деревню под Тузлой и обнаружил, что доступ к полям, которые он прежде обрабатывал, преграждают минные поля, телефонной связи с внешним миром нет, а вода в водопроводе появляется не чаще чем раз в два дня.

“Можно ли здесь выжить? – задает он риторический вопрос и сам же отвечает: – Работы нет, а стены и крыша родного дома несъедобны”.

Марьяна Анджич и ее семья, покинув свой дом в Боснии, переезжали с места на место не меньше десяти раз. Недавно они купили дом в районе Книна в Хорватии. На вопрос, хотела ли бы она в конце концов вернуться домой, женщина не раздумывая ответила: “Конечно! Но для нас там нет работы. Не будет ее и для наших детей. Мы не можем вернуться”.

Хотя Пэдди Эшдаун, Высокий представитель в Боснии, и считает, что в стране уже свершилось “чудо”, он все же мыслит достаточно реалистично и понимает, что, особенно в нынешней трудной экономической ситуации, которая может свести на нет большую часть уже проделанной полезной работы, впереди еще долгий путь.

“Мы забыли о том, сколько требуется времени, чтобы вновь по кусочкам собрать разрушенное войной общество, – признался он недавно. – Такие раны заживают десятилетиями”. ■

В разговорах о будущем все время звучит новое для Балкан модное словцо “устойчивость”.

КОСОВО: ситуация **С**егодня

ЭТОТ МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ КРАЙ
ОЖИДАЕТ НЕПРОСТОЕ БУДУЩЕЕ

Растерянность и горечь не ослабевают. “У нас были такие надежды, и все напрасно! – говорит 37-летняя Драгиса Петкович. – Думали, что пройдет два-три дня, и мы возвратимся домой. А теперь нам кажется, что мы никогда туда не вернемся”.

Даниэла Станоевич вздрагивает. “От одной мысли о возвращении туда мне становится страшно, – говорит эта молодая мать, но, окинув взглядом тесную комнатку, в которой она ютится с мужем и двумя детьми, добавляет: – Нам требуются огромное мужество, железные нервы и терпение, чтобы жить в таких условиях. Иногда мы забываем, что мы люди”.

Ее 21-летняя соседка по центру временного размещения не в силах сдерживать накопившиеся гнев и разочарование: “Сюда все время кто-то приезжает. Задают вопросы. Мы заполняем бланки. Нам обещают помочь. И что в результате? Прошло шесть лет, а мы все еще здесь, и у нас ничего нет”. Она утверждает, что тяжелая участь и ее, и ее соседей – “это все вина НАТО. Во всем, что с нами случилось, виновата НАТО”.

В начале 1999 г., после года все нараставших гражданских беспорядков, почти 1 млн. этнических албанцев в панике бежали или были насильно выдворены войсками и полицией из Косова, самого южного края Югославии (сегодня Сербия и Черногория).

Затем вмешалось международное сообщество, и за три месяца обстановка полностью изменилась: в Косово вошли войска НАТО, а за ними вернулось большинство перемещенных албанцев.

В соответствии с планом восстановления мира сербские войска покинули этот край, и теперь уже более 200 тыс. этнических сербов и представителей таких меньшинств, как цыгане (см. стр. 29), бежали, боясь ответных нападений со стороны жаждавших мести

албанцев, которые возвращались из изгнания.

Была создана Временная администрация Организации Объединенных Наций в рамках миссии в Косове (МООНК) для управления краем на период организации выборов, формирования административных и политических органов и принятия мер по возвращению недавно перемещенных гражданских лиц, пока будет решаться судьба края на долгосрочную перспективу.

Однако до сих пор Драгиса Петкович со своей семьей, Даниэла Станоевич и подавляющее большинство покинувшего свои дома гражданского населения Косова – а это ориентировочно

DP/24302-2005

226 тыс. человек – остаются как бы в правовом вакууме в Сербии и Черногории. Их не удается убедить в том, что они могут без опасений вернуться в Косово, – они не знают, что их там ждет, но при этом не имеют и альтернативных возможностей начать жизнь заново где-либо еще.

“Я съездила туда ненадолго, – говорит Даниэла Станоевич, – но каждый раз при въезде в Косово у меня подкашиваются ноги, так мне страшно”.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Вернулись около 13 тыс. сербов и представителей других меньшинств, но они оказались в тяжелом политиче-

Сербский собор в Митровице (вверху). Даниэла Станоевич размышляет о том, что сулит неясное пока будущее (слева). Дети военного времени в Косове и их защитники из КФОР (внизу).

“Мы думали, что пройдет два-три дня, и мы возвратимся домой. А теперь нам кажется, что мы **никогда** туда не вернемся”.

ском, экономическом и социальном положении.

Как и большая часть Балкан, Косово погрязло в трясине экономического застоя и повсеместной безработицы.

Этнический состав населения и его географическое распределение претерпели радикальные изменения. Албанцы составляют теперь 90% населения, и, за исключением города Митровица, сербы большей частью покинули городские центры.

В марте 2004 г. едва начавшемуся проекту “возвращение домой” был нанесен серьезный удар, когда около 50 тыс. албанцев бесчинствовали по всему краю. Были убиты как минимум 19 человек, тысячи сербов были изгнаны из своих домов, сотни зданий и церквей были разрушены.

Регион до сих пор не оправился полностью от последствий этих волнений. Северный поселок Свиньяре подвергся нападению мародеров с трех сторон.

DP/24406-2005

DP/24414-2005

Что сулит будущее этим вернувшимся домой юным сербам?

DP/24868*2005

В Косово вернулись около **13 тыс.** сербов и представителей других меньшинств, но они оказались в **тяжелом** политическом, экономическом и социальном положении.

Дислоцированные поблизости международные силы КФОР спасли сотни гражданских лиц, но нападавшие сожгли в этом городке с этнически смешанным населением 135 домов сербов.

Государство быстро отстроило большинство разрушенных зданий, но домой вернулась лишь треть бежавших сербов, и между ними и албанцами сохраняется весьма шаткое перемирие. «Наши соседи помогали нападавшим грабить и разрушать наши дома», — утверждает один из крестьян, недавно навестивший свой дом. Его семья все еще слишком напугана, чтобы оставаться в доме на ночь. Если солдаты КФОР уйдут, «для нас настанет очень, очень трудная жизнь», — говорит он. А вот другой собеседник заявляет: «Я отсюда больше никогда не уйду, что бы ни случилось».

В Митровице местный православный собор, который расположен в населенной в основном албанцами южной части города, в течение нескольких лет охранялся греческим контингентом. Но во время беспорядков 2004 г. храм был полностью опустошен. Еще четыре года ранее Слободанка Ноич, жена одного из священников, поделилась опасениями с нашим корреспондентом: «Мне страшно покидать церковь. Стоит выйти без сопровождения, и нас похитят или убьют. Поверьте: нам сюда больше не вернуться».

Ее страхи были вполне оправданными. Сегодня все священники и их семьи бежали, а церковь заперта и заброшена.

Желая своими глазами увидеть, какими темпами идет процесс реинтеграции в другой части Косова, один посетитель недавно наведялся после четырех лет отсутствия в преимущественно сербский анклав Сливово. Он состоит из восьми деревень и живописен, как виды Швейцарии на сувенирных открытках.

После событий 1999 г. большинство местных жителей покинули деревню, но Миро Павич не бросил свое хозяйство, выращивал пшеницу, кукурузу и фрукты, ухаживал за скотиной. Вспоминая о тех временах, он сравнивает их с «жизнью в золотой клетке. Мы были узниками посреди своих овощей».

Сливово считалось одним из чуть более десятка районов, достаточно безопасных, для того чтобы в то время рекомендовать представителям меньшинств вернуться туда. Для большей безопасности поблизости были расквартированы шведские солдаты. Павич утверждает, что их присутствие было «абсолютно необходимым». «Я не мог даже представить себе жизнь без них», — говорит он.

Шведы ушли. Никаких инцидентов не было, и Павич нашел работу в соседнем городе. И все же домой вернулись лишь несколько десятков сербов, и

большинство из них все еще с недоверием относятся к шаткому миру. По словам одного 75-летнего крестьянина, «жизнь в деревне тихая. Я никогда отсюда не уеду. В других местах не так спокойно».

После 1999 г. был достигнут немалый прогресс в усилиях по стабилизации положения в мятежной провинции, но предстоит сделать гораздо больше.

Например, по мнению агентства ООН по делам беженцев, во многих районах ситуация еще слишком неустойчива, чтобы оно могло активно и официально рекомендовать возвращение в них беженцев из числа меньшинств.

Авторитетная организация «Международная кризисная группа» в одном из своих докладов указала на необходимость укрепления государственных учреждений: «в противном случае вполне возможно, что в скором времени обстановка в Косове вновь станет нестабильной, что поставит под угрозу результаты всех усилий по построению европейского будущего для западной части Балкан».

Успех этих усилий зависит главным образом от того, удастся ли разрешить неразрешимую, на первый взгляд, дилемму. После многолетних преследований по этническому признаку со стороны центрального правительства большинство албанцев требуют полной независимости. Такой результат, вероятнее всего, не позволит вернуться многим из остающихся в изгнании гражданских лиц и может спровоцировать дальнейший исход из Косова.

Белград отдает предпочтение варианту, который один представитель гуманитарной организации характеризует как нечто «большее, чем автономия, но и не полная независимость», а эту формулу, видимо, отвергнут албанцы.

В нынешней ситуации, по словам того же представителя, возможны две перспективы: «по плохому сценарию и по еще худшему». ■

DP/24533*2005

Цыганскому меньшинству края остается только ждать.

DP/24503*2005

DP/24457*2005

СМУТНОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ КОСОВСКИХ ЦЫГАН

Так мог бы выглядеть ад. Ряды убогих лачуг, наспех сооруженных из первых попавшихся кусков дерева, картона, пластиковой пленки, жести и шлакобетонных блоков. Ржавеющие контейнеры, приспособленные под отхожие места. Дети, плещущиеся в зловонных лужах сточных вод в тени заброшенно-

го кирпичного завода и токсичного отвала шлака, содержащего свинец. В воздухе висят клубы пыли, оставляющие на всем — на лицах, зубах, одежде, еде и мебели — густой серо-черный налет.

Загрязняющие отходы, которые многие годы выбрасывались в окружающую среду из ныне бездействующего

свинцового рудника в городке Митровица на севере Косова, накапливались в почве и воде и создали для примерно 500 цыган, живущих в расположенных поблизости импровизированных лагерях, условия, которые представители международных медико-санитарных органов характеризуют как экологическую катастрофу.

Возвращение домой в Гньилане.

“Нас приняли **очень тепло**.
Проблем нет”.

DP / 24948 • 2005

Рома Махалла все еще в руинах и безлюдна.

DP / 24574 • 2005

Веками цыгане-рома и родственные им ашкали и горани были неотъемлемой частью этнического состава населения Балкан, но в ходе потрясений в Косове в 1999 г. они были вынуждены тысячами бежать из этого края, как и более 200 тыс. этнических сербов, сотрудничество с которыми им инкриминировали (см. материал на стр. 26).

Многие бежали в собственно Сербию и соседние страны, но часть из них получили пристанище в лагерях, которые должны были стать их временным жильем на несколько недель. Прошло шесть лет, а они в большинстве своем все еще остаются перемещенными лицами, и для митровицких цыган это изгнание превратилось в буквально смертельную игру на выживание.

Когда в 2004 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) провела среди детей-цыган проверку на сатурнизм, показатели были настолько высокими, что приборы зашкаливали. За прошедшее с тех пор время некоторые из осмотренных детей умерли, а другие, возможно, страдают от потери памяти, рвоты и конвульсий. Врачи характеризовали сложившееся положение

как “позорное” и “постыдное”, а сами цыгане пребывают в страхе и растерянности.

“Когда я смотрю на свою дочь, мне жить не хочется, – жаловалась недавно журналистам женщина в лагере Зитковац. – Эта пыль убивает ее, ей трудно ходить”. Хабиб Хайдини, представитель обитателей лагеря, недоумевает вслух: “Как можно верить этим исследованиям? Если результаты верны, то почему они не помогают нам? Почему они не спасают наших детей?”.

ЭКСТРЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Вместе с другими учреждениями УВКБ ООН уже не менее года настоятельно призывает к незамедлительному переселению этой группы цыган в другое место. Но воз и ныне там из-за инертности, безразличия, меняющихся политических приоритетов и интриг.

Сами цыгане также не горят желанием переезжать куда-либо, кроме как обратно в свои дома, и для большинства это недалеко, всего несколько километров до района Митровицы под названием Рома Махалла. До 1999 г.

это было одно из крупнейших и процветающих цыганских поселений на Балканах.

Однако во время “беспорядков” все 6 тыс. жителей Махаллы бежали, а мстительные албанцы, которые всего лишь несколькими месяцами ранее сами покинули свои дома, забросали поселок зажигательными бомбами и сровняли весь анклав с землей.

По сей день Рома Махалла остается пустырем, на котором можно встретить разве что любителей копать в мусоре, хотя в последнее время и появились новые планы по его

восстановлению. Если быть оптимистом, то можно было бы ожидать начала восстановительных работ уже в ближайшие месяцы, но если быть реалистом, то ясно, что до начала переселения национальных меньшинств в их исконный район пройдет куда больше времени.

Пока митровицкие цыгане ждут, некоторые из их сородичей уже вернулись к своим довоенным очагам в Косове. Американский комитет по делам беженцев (АРК) в конце 2004 г. завершил первую очередь проекта по восстановлению цыганского квартала Абдулла Прешева в городке Гньилане, и в него вернулись 114 цыган из довоенных 2500.

В апреле в деревню Радивойце вернулась расширенная семья из 16 чело-

век в возрасте от полутора до 74 лет. Они пока живут в шаткой временке из дерева и предоставленной УВКБ ООН пластиковой пленки, а рядом строится новый трехэтажный дом.

Все их соседи – этнические албанцы, но глава семейства настроен оптимистически и ожидает, что, будучи кузнецом, он в своей деревне без работы не останется.

“Нас здесь приняли очень тепло. Проблем нет! – делился он недавно впечатлениями в окружении всей семьи. – Мы не сделали ничего дурного, так почему же нам было не вернуться? Совесть у меня чиста, и здесь наш дом”.

На его месте хотел бы оказаться любой косовский цыган. ■

Дети-беженцы убивают время, как могут.

DP / 24492 • 2005

Сараево. Вечный огонь в память
о павших на войне.